

Раннее утро в больнице, воздух пропитан едким запахом антисептиков. В отделении неотложной помощи горят холодные, мертвенно-белые лампы.

Гу Емин ворвался в кабинет врача, бережно прижимая к себе Шэнь Цинсяня. Он походил на загнанного в угол, разъяренного зверя, игнорируя и любопытные взгляды окружающих, и окрики медсестер. Обладая пугающей силой, он двигался с почти нелепой осторожностью, укладывая Шэнь Цинсяня на кушетку.

— Врач! Скорее, посмотрите его! — голос Гу Емина сорвался на хрип, в нем звучал приказ, не терпящий возражений. Его взгляд был настолько свирепым, что молодой дежурный врач невольно вздрогнул.

Шэнь Цинсянь закрыл глаза, и длинные густые ресницы отбросили тень на его бледные щеки. Он не потерял сознание, но острая боль и слабость, вызванная обратным ударом собственной силы, лишили его желания открывать глаза и сталкиваться с этим хаосом. Он чувствовал, как Гу Емин сжимает его ладонь — горячую, сильную, едва заметно дрожащую.

— Господин, не волнуйтесь, мы сначала проведем осмотр... — попытался успокоить его врач.

— Какой еще осмотр! Вы что, не видите, что он харкал кровью?! Давайте ему лекарства! Обезболивающее! Остановите кровь! — Гу Емин ничего не слышал. Весь его рассудок сгорел, оставив лишь первобытный ужас и ярость при виде бледного, хрупкого Шэнь Цинсяня. Он не мог вынести даже мысли о том, что тот испытывает хоть крупицу боли.

[Внимание! Внимание! Уровень эмоционального возбуждения Сына удачи Гу Емина стремительно растет! Он на грани потери контроля! Хозяин, прошу, успокойте его немедленно! Иначе последствия будут непредсказуемы!] — пронзительный голос Сяо Цзю зазвучал в голове Шэнь Цинсяня.

Шэнь Цинсянь едва заметно нахмурился. Какая досада.

Он медленно открыл глаза. Его серо-янтарные зрачки, подернутые дымкой слабости, казались особенно глубокими. Он слегка шевельнул рукой, которую все еще сжимал Гу Емин, и прошептал:

— Гу Емин... со мной все в порядке, успокойся.

Услышав его голос, Гу Емин резко опустил голову и встретился взглядом с глазами, в которых, казалось, мерцали осколки звезд, но при этом они были такими хрупкими, что могли разбиться от одного неосторожного движения. Сердце Гу Емина словно сжали ледяной хваткой, и вся ярость мгновенно сменилась глубокой жалостью и чувством собственного бессилия. Он склонился над ним, невольно понизив голос до мягкого шепота:

— Хорошо, я спокоен. Не говори ничего, береги силы. Врач сейчас тебя осмотрит.

Он не отпускал руки Шэнь Цинсяня, словно та была его единственной опорой в бушующем океане.

После череды суматошных обследований врач, глядя на результаты анализов, которые в целом были в норме, озадаченно произнес:

— Знаете... у этого молодого человека, кроме некоторой слабости и легкой анемии, нет признаков острого кровотечения или органических поражений. Рвота кровью... возможно, это легкая реакция желудочно-кишечного тракта или... хм, требуется дальнейшее наблюдение.

— Наблюдение?! Он в таком состоянии, а вы говорите о наблюдении?! — Гу Емин снова вспыхнул.

— Гу Емин, — вновь подал голос Шэнь Цинсянь, в котором слышалась усталая просьба. — Я хочу отдохнуть. Пожалуйста, потише.

Эти слова подействовали безотказно. Гу Емин тут же замолчал. Он долгим взглядом посмотрел на Шэнь Цинсяня — в этом взгляде смешалось слишком многое: тревога, жалость, гнев и почти маниакальное желание защитить. В конце концов он лишь плотно сжал губы и кивнул. После чего, словно верный страж, молча и неподвижно встал у изголовья кровати, одним лишь взглядом отгоняя всех медработников, пытавшихся подойти.

Шэнь Цинсянь снова закрыл глаза, тайно направляя крупницы звездного света, чтобы медленно исцелить бушующие внутри потоки энергии. С таким свирепым защитником, как Гу Емин, действительно стало гораздо меньше хлопот. Вот только... внимание этого парня было слишком уж пристальным.

В палате наконец воцарилась тишина. Солнечные лучи пробивались сквозь жалюзи, рисуя причудливые узоры на обескровленном лице Шэнь Цинсяня. Гу Емин стоял не шелохнувшись, не сводя с него глаз, словно пытаясь выжечь этот образ у себя в душе.

Время тянулось медленно. Когда Шэнь Цинсянь почувствовал, что дыхание внутри выровнялось, и снова открыл глаза, он обнаружил, что Гу Емин все еще стоит в той же позе, только его глаза налились кровью от напряжения.

— Который час? — тихо спросил Шэнь Цинсянь.

Гу Емин тут же посмотрел на часы на стене:

— Почти девять. Ты голоден? Что хочешь поесть? Я схожу куплю, — его голос звучал поспешно и осторожно.

— Нет, — Шэнь Цинсянь покачал головой и попытался сесть. Гу Емин немедленно шагнул вперед, мягко, но уверенно поддержал его и поправил подушки за спиной. Они оказались так близко, что Шэнь Цинсянь почувствовал исходящий от него легкий запах солнечного света, смешанный с больничным антисептиком.

— Спасибо, — Шэнь Цинсянь опустил глаза, избегая его слишком внимательного взгляда.

— За что спасибо, — голос Гу Емина прозвучал хрипло. — Что... что с тобой случилось? Что за старая травма? — этот вопрос слишком долго мучил его изнутри.

Шэнь Цинсянь помолчал некоторое время, а затем медленно произнес:

— Болезнь, оставшаяся с детства. Иногда обостряется, ничего серьезного.

Это было самое разумное объяснение, которое пришло ему в голову. Гу Емин явно не поверил, но, видя, что Шэнь Цинсянь не хочет продолжать разговор, проглотил следующие вопросы. Он поднял руку, словно желая коснуться щеки Шэнь Цинсяня, но на полпути замер, резко отдернул ее и, засунув в карман брюк, сжал в кулак.

— Больше... никогда не пугай меня так, — Гу Емин смотрел на него, чеканя каждое слово, его низкий голос был полон подавляемых сильных эмоций. — Если что-то случится, ты обязан первым делом сказать мне. Слышишь?

Это не было просьбой — это был приказ, пропитанный почти варварским собственничеством.

Шэнь Цинсянь поднял глаза и молча посмотрел на него. Юноша перед ним был властным, агрессивным, порой даже неразумным. Но бушующие в его глазах чувства были пугающе искренними.

Он вдруг вспомнил о том, что Сяо Цзю упоминал ранее — о божественном даре очарования. Значит, это ненормальное, чрезмерное внимание и опека со стороны Гу Емина тоже вызваны влиянием этого пассивного навыка?

— Угу, — едва слышно отозвался Шэнь Цинсянь, принимая условия. Ему нужно было время на восстановление, и он не хотел лишних проблем.

Получив этот уклончивый ответ, Гу Емин заметно смягчился. Он придвинул стул и сел у кровати, тоном, не терпящим возражений, добавив:

— Я взял отгул. Останусь здесь, с тобой.

Шэнь Цинсянь хотел отказаться, но, взглянув на выражение лица Гу Емина, которое говорило:

«что бы ты ни сказал, это бесполезно», промолчал. Он снова закрыл глаза, продолжая медитировать. Присутствие Гу Емина, пусть и шумное, странным образом рассеивало ту пустоту и холод в глубине души, которые возникали из-за потери контроля над силой.

В палате снова воцарилась тишина, нарушаемая лишь тихим дыханием двоих. Солнечный свет мягко ложился на них, создавая странный, почти призрачный покой двух людей, связанных одной судьбой.

Гу Емин смотрел на спокойное лицо спящего Шэнь Цинсяня, и в его сердце с бешеной силой росло желание запереть этого человека в поле своего зрения, не позволяя никому причинить ему хоть малейший вред.

Он не знал, откуда взялось это чувство, но понимал одно: он попался. И, честно говоря, не хотел спастись.

<http://bllate.org/book/18866/1841408>